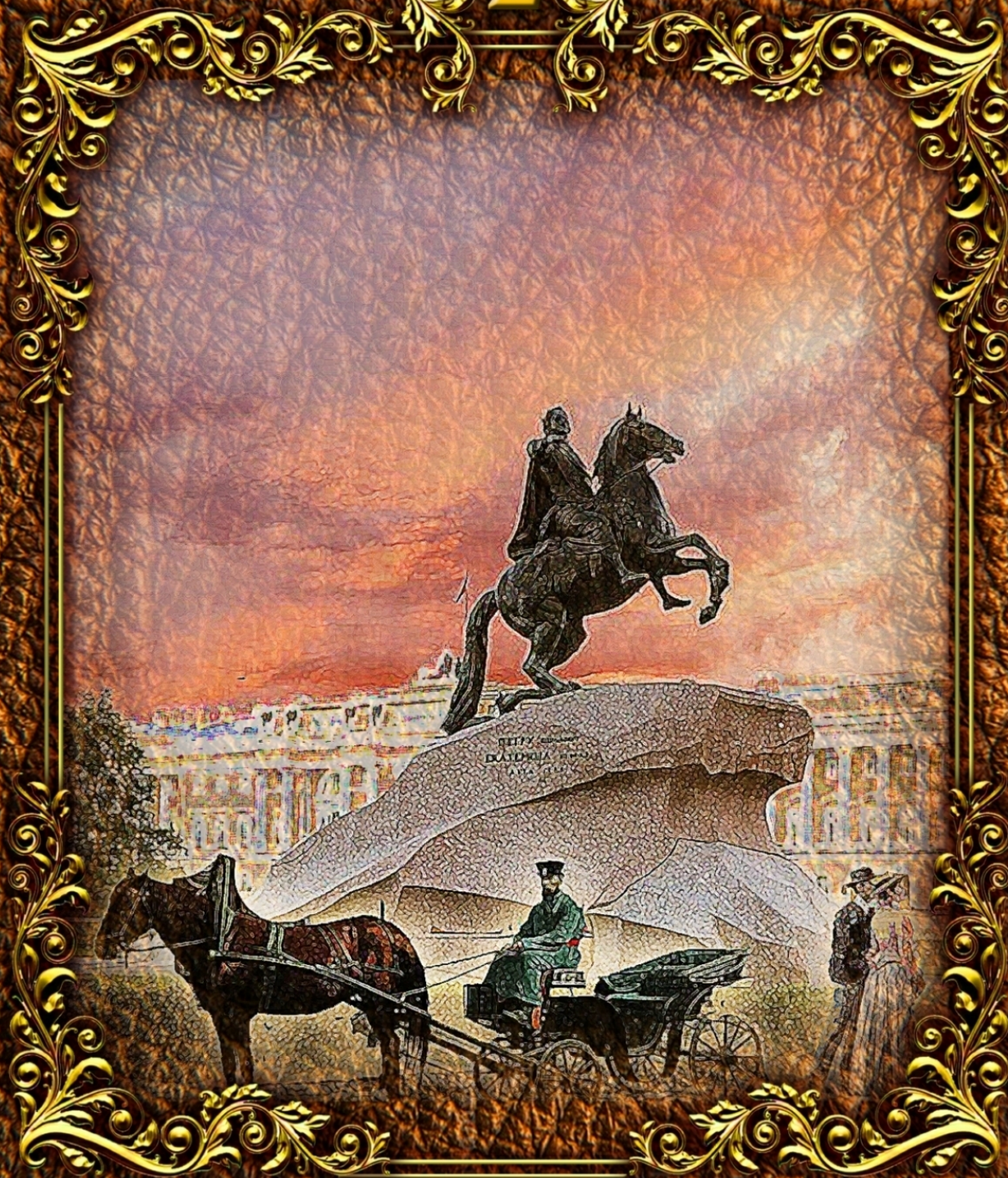

Елена Гости́ева

2

Стрекозка Горгона
В СТОЛИЦЕ

16+

Елена Гостева

Стрекозка Горгона в столице

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гостева Е.

Стрекозка Горгона в столице / Е. Гостева — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Вторая часть историко-приключенческого романа "Стрекозка Горгона". Действие происходит на фоне реальных исторических событий: декабрьского восстания, войны с Персией. Армия шаха-заде Аббаса-Мирзы вторгается в пределы России. Старший брат героини романа, подпоручик, сражается с персами и за храбрость награжден орденом. Героиня воспитывается в Смольном, её друг - в кадетском корпусе, а кузен, влюбившись в циркачку, сбегает из училища и сам становится циркачом. Читатели узнают из книги о взрослении героев, об их размолвках и примирениях, о том, как из дружбы и привязанности рождается любовь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	17
Глава 9	20
Глава 10	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Гостева

Стрекозка Горгона в столице

Глава 1

Начальница Смольного института оказалась похожей на бабушку Прасковью Евдокимовну и была, наверно, её ровесницей. Бабушка по приезду в Петербург покрасила седину смесью луковой шелухи и ромашки, отчего её седые волосы стали желтовато-песочными. Крупные локоны, обрамляющие лицо начальницы, были того же цвета. Бабушка носила чепец, эта уважаемая дама – тоже. Но глаза Амалии Львовны не были похожи на бабушкины. Таня уже заметила, что у добрых, часто улыбающихся женщин появляются морщинки в уголках глаз, словно лучики солнца. У начальницы таких лучиков не было, зато имелись глубокие чёрточки возле рта: наверно, эта дама любит брезгливо и недовольно поджимать губы. Не похоже, что она добра, хотя на отставного генерала с супругой и внучкой смотрела очень благожелательно.

Побеседовав с дедом, начальница изволила высказаться: «Для того государыня Екатерина и создавала пансион, чтобы дочери почтенных родителей, оставшись сиротами, нашли здесь приют и заботу». Но всё ж упрекнула, мол, надо было привезти мадемуазель в Смольный двумя-тремя годами раньше. Дед объяснился, мол, внучка – последняя их радость, жаль было расставаться. Амалия Львовна сочувственно вздохнула и стала расспрашивать саму будущую воспитанницу. Снова благосклонно кивала, слушая простосердечные ответы. Таню удивила более всего эта внешняя доброжелательность пожилой дамы. Она чувствовала, что Амалия Львовна ужасается, слушая, что друзьями Тани в детстве были только мальчики, что и ездить верхом, и даже плавать она научилась, однако не любит заниматься рукоделием, шить умеет немножечко, а вышивать и кружева плести её даже не обучали. Начальница ужасалась, но про себя, а внешне была сама любезность. «Так вот о чём говорила Пелагея, что мне нужно освоить! Вот что значит – владеть собой!» – догадалась девочка.

Проекзаменовав Таню, Амалия Львовна вынесла свой вердикт:

– Знания у мадемуазель Телятьевой есть. Хотя вижу, что дикарка она, по-деревенски ведёт себя. Но не волнуйтесь. У нас и с Кавказа, даже из мусульманских семей дочери обучались, и мы всем сумели хорошие манеры привить.

И Таня осталась в Смольном, переодели её в платье институтки: она, миновав «кофейный», самый младший возраст, сразу была определена в средний – «голубой». Бабушка и дедушка всю зиму прожили в Петербурге, в доме покойного зятя, Таниного отца. Видеться с внучкой они могли только в приёмные дни в общей зале по два часа в неделю, где в это время было многолюдно, и от разговоров, что велись по отдельности в каждой маленькой компании, воздух жужжал, словно улей развороченный. И Таня не могла при людях искренне делиться с бабушкой и дедушкой, как себя чувствует в отрыве от них. Но она помнила, что надо учиться терпеть и терпела.

Зато Семену Целищевы сами выбрали учителей и понаблюдали за его занятиями. Их старший внук Антон частенько отпрашивался на ночь из корпуса, чтобы пообщаться с родными. И дед кадетский корпус навещал, даже на занятиях присутствовал. Преподаватели позволяли ему общаться с юношами, и отставной генерал с удовольствием делился воспоминаниями о службе, о сражениях, в коих принимал участие.

– Что ж, пристроены внуки к учебе, – подвёл итог Павел Анисимович. – А нам, Пашенька, можно и на покой.

В марте Целищевы выехали из столицы, погостили у московской родни, с Николаем пообщались, и тот заверял, что у него всё хорошо, замечательно даже. Однако через некоторое

время после их возвращения домой от Дарской пришло письмо, где та сообщила о побеге их внука из училища.

– Вот и пристроили к учебе! Что за опаздёрк, а?! Вот что значит кровь цыганская! – возмутился генерал. – И это он, не кто иной фамилию Целищева носит?! И отчего фамилия наша Господом не любима?

– Ничего, не переживай, побегает Коля да возьмётся за ум, – успокаивала его жена. – Уверена я, уверена, что сумеет он много в жизни добиться. И дворянином станет.

– Даже уверена?!

– Уверена, друг мой. И сейчас ещё больше, чем прежде. Он и смел, он и умён. Всё, за что бы ни брался, у него получится.

– Что ж, остаётся лишь слову твоему верить да Господу молиться...

Глава 2

Весть о побеге Николая Дарской принесли цыганки и сообщили, добродушно посмеиваясь, что влюбился Кало в циркачку, постарше его, вот с нею, то есть с цирком, и укатил из Москвы. Добавили также, что Кхамоло, узнав сие, не удивился, а сказал, что пора парню мужчиной становиться. Госпожа Дарская Апполинария Евдокимовна ездила в училище, упрашивала, чтобы директор не судил юношу строго за глупости, совершаемые по молодости, и чтобы позволил ему впоследствии доучиться, говорила, что побегаёт отрок непоседливый да и вернётся. Директор наотрез отказался. Все знают, куда исчез юный Целищев, и если он будет восстановлен, это может и на поведении других недорослей сказаться. «Эдак все захотят бегать, а потом обратно проситься, и как дисциплину требовать!?» – негодовал он. Но всё же, уважив Дарскую, двоюродную бабушку отрока, и то, что Николай – внук не абы кого, а генерал-лейтенанта, выписал аттестат с отметками за пройденные науки, причиной отчисления указал просто семейные обстоятельства, а не побег.

Кхамоло наблюдал за приключениями сына издали года полтора, а потом, решив, что его отпрыск для своих лет вольной жизни достаточно хлебнул, достиг цирк где-то уже на границе с Венгрией и властью отцовской забрал сына. Кало просил оставить его с циркачами, и хозяин цирка уговаривал, мол, из парнишки выйдет толк, будет хорошо зарабатывать, но отец сказал: «Была б твоя мать цыганкой, я бы не против. А кто твоя мать, помнишь? Ни о ней не подумал, ни о том, чью фамилию носишь! Как они переживают, не догадываешься?» И сын подчинился. Поскольку документы из Московского училища у Николая были положительные, его приняли в такое же коммерческое училище, но уже в северной столице.

Более года, что пропадал Николай, генерал-лейтенант Целищев провёл в волнении, а Прасковья Евдокимовна успокаивала, заверяя, что всё образуется. Когда, наконец, от Анастасии пришло письмо, что Кхамоло со старшим сыном уже в Петербурге, и что Александр Петрович Лапин хлопочет о зачислении Николая в столичное училище, Павел Анисимович поначалу даже засобирился в дорогу. Сказал, хочет надрать внука за уши как следует, чтобы не смел фамилию позорить. Однако провёл пару дней в раздумье и понял, что не сможет: сердце стало сбои давать, а вдруг в дороге откажет? Зато Прасковья Евдокимовна написала внуку и, не щадя его, от души выложила всё, что собирился генерал сказать. Сообщила и о том, что здоровье у деда из-за переживаний пошатнулось, чтобы Николай думал о родных, прежде чем новые подвиги совершать.

Глава 3

Юных кадет редко выпускали в город. Они часто маршировали по его улицам, но отпускные дни выпадали редко. И среди старших считалось особым удалством сбежать ночью из казармы, пройтись по столице без надзора – хоть раз за время учёбы воспитанник из корпуса должен был выйти самостоятельно. Выходить через ворота было делом бесполезным – там стояли часовые, и ребята вылезали в окно либо через стену за парком. На подобные прогулки выходили нечасто: кадеты были загружены учёбой, «фронтом» и уставали сильно.

Самыми шумными гулянками в Петербурге славились гусары и студенты. Офицеры посещали дорогие рестораны, а студенты – кондитерские, кухмистерские, дешёвые трактиры, в коих им и в долг могли налить. Хозяин трактира не сильно рисковал, потому что университет по закону за неплатёжеспособного студента гасил долг до 10 рублей.

Кадеты, в отличие от студентов, дебоши не устраивали, но в трактиры заглядывали. Юношам просто хотелось узнать, что это такое. Если появлялся кто из полиции, убегали что есть мочи. Жандарм арестовать кадета права не имел, но мог узнать имя, а потом начальству передать. В трактирах на всякий случай называли друг друга вымышленными именами. И было раз, что от полиции поступило донесение: в таком-то трактире, неподалеку от кадетского корпуса, были замечены ночью четверо кадет, назывались их имена – Шиллер, Дидро, Вольтер, Бернс. Перский на предобеденном построении зачитал донесение и сказал, что очень желает познакомиться с сими кадетами, а то он и не знал, что ему вверены на воспитание молодые люди со столь громкими фамилиями. Донос жандармов, радующихся, что они фамилии непослушных кадет вызнали, в строю только смешки вызвал. Однако Перский всё-таки просил выйти, представиться ему тех, кто ночью отлучался из казармы. Перского уважали, перед ним нельзя было не признаться. И старшее отделение, не сговариваясь, сделало шаг вперёд. Все, как один. Кажется, Перский был доволен таким единодушием. И все получили одно и то же количество розг: в карцер-то не поместились. Впрочем, замешаны в отлучках тоже были все, поскольку, чтобы кадет вернулся в казарму незамеченным, нужно было, чтобы изнутри кто-то дежурил у стены либо у окон, ожидая сигнала снаружи.

Сергей с друзьями в первый раз отлучился из казармы с помощью, что пришла из города – от Николая Целищева. В корпусе считалось низким делом подкупать солдата, стоявшего на часах – директора и всех преподавателей отличали безукоризненная честность и высокие понятия о моральных качествах. Даже секуна Осаксена – тупого тупея, нельзя было упрекнуть в неблагородном поведении. Эти же понятия о чести дворянина, о достойном и недостойном, прививались воспитанникам. Никто из кадет не завёл бы с солдатом разговор о плате за выход в город. Но Николай, свободно бродя вокруг зданий корпуса, поболтал с одним солдатом, с другим – он-то ведь от моральных обязательств был свободен – наконец, нашёл того, кто, поколебавшись, согласился выпускать и впускать кадетов, но только за хорошую плату! Деньги платил Николай.

Старшие гренадеры, конечно же, об этом прознали, вызвали на допрос. Солдаты-часовые, берущие деньги, вызвали омерзение. Ведь так часовой может за деньги и врага пропустить! Но самих кадет, пользующихся этим низким человеком, решили не наказывать, то есть не одобрили, но и не запретили. Хотя выговорили, что уважения достоин тот кадет, который только себя подвергает опасности, самолично из окна вылезает, через стену перебирается, а не тот, что словно ростовщик, подкупает часового, чем поощряет предательство. Юные гренадеры запомнили выговор и решили, что будут дальше только записки Николаю через солдата передавать, а просить, чтобы он их выпустил, лишь в самом-самом крайнем случае. Не хотел мириться с этим решением один Жорж: он был не прочь гулять по ночной столице почаще.

Во время одной из таких прогулок кадеты познакомились с баронессой Нессер. Они тогда только успели зайти в трактир, как увидели, что следом входят два жандарма, и решили ретироваться. Николай попросил половых трактира вывести компанию через задний ход, но жандармов увидели и здесь. Мимо проезжала богатая карета, и Жорж на ходу запрыгнул в неё, чем поначалу перепугал сидящую там даму, а потом рассмешил, умоляя спасти юношей от произвола полиции, и она приказала кучеру развернуться и ехать медленно, подбирая всю компанию. Баронесса привезла юных шалопаев к себе домой, чаем напоила, расспрашивала о жизни в корпусе, смеялась над забавным, сочувственно покачивала головой, узнав, что их могут ожидать розги, если имена получат огласку. После приказала кучеру отвезти мальчишек к корпусу, но не в карете, а на каких-нибудь санях поплоше, укрыв их рогожей. Вечер у баронессы кадетам запомнился. Жорж Стародубцев фантазировал вслух, как бы приударить за красавицей. Но летом, когда баронесса, выехав на дачу под Красным Селом, пригласила их к себе на вечер, Жорж с досадой уяснил, что дама отдаёт предпочтение Лапину.

Глава 4

А до этого, ещё весной, нарвались на неприятность более серьёзную, которая для Сергея могла закончиться плачевно. Оправданием могло служить лишь то, что это случилось в отпускной день. Стародубцев, Лапин, граф Звегливец, Руперт зашли в трактир, не особо печальясь, что их здесь застанут, уселись за столик, поджидая Целищева. За двумя соседними столами шумели студенты. Увидев юношей в знакомой форме, к кадетам подошли два гусара, оказалось, тоже бывшие кадеты. Завязался разговор, гусарам было интересно послушать новости об alma-mater, о знакомых педагогах. В это время Сергей увидел, что к их компании между столиками пробирается Николай. Увы, он запнулся за длинные ноги полупьяного студента, загромождающие проход, на ходу извинился, хотел пройти дальше, но был остановлен окриком: «Куда прёшь, морда? Не видишь, что здесь дворяне? Как смеешь?» Студент вцепился в сюртук Николая и не желал отпустить. Форма коммерческого училища свидетельствовала, что тот, кто её носит – не дворянин, а скорее всего – сын купеческий, а студенты не упускали случая подшутить над купцами довольно грубо. Студенты университета носили на поясе шпаги – пусть тоненькие, почти карандаши, но всё-таки это было свидетельством их принадлежности к дворянству! Учащиеся коммерческих училищ права на шпаги не имели. Студент, пошатываясь, встал и замахнулся на Николая. Но вскочил Сергей и перехватил его руку. У кадет-то шпаги были, причём посолондней студенческих.

– Это мой друг, не смейте его оскорблять! Извинитесь, если не желаете иметь дело со мной!

Студент просить прощения отказывался, наоборот, стал потешаться, мол, дворянин, вступающийся за какого-то купчишку, смешон. Студенты редко отказывались от возможности побузить, тем более, если были навеселе. Студентов было больше, их пыл охлаждало лишь присутствие офицеров. Дело шло к дуэли. Гусары, Корф и Черский, не поняли, с какой стати Лапин вступаётся за человека не своего сословия, однако вмешались: кадеты-то были своими. Сказывался извечный антагонизм военных и штатских. Гусары лучше других знали, что может грозить кадету в случае дуэли, и утихомирили компанию обещанием, что всем необходимо встретиться завтра и всё обсудить на трезвые головы, и что они готовы быть секундантами кадета в случае необходимости. Задира не хотел успокаиваться, кричал: «Ах, вы считаете меня пьяным?», но того сдерживали его же друзья. Надо было обсудить случившуюся ситуацию в более спокойном месте. Взяли извозчиков, поехали к Целищеву. Анастасия Павловна очень взволновалась, сказала, что никак нельзя допустить, чтобы дуэль состоялась – это погубит всю будущность Сергея. Посетовала, что отца нет в городе, он бы смог разрешить.

– Анастасия Павловна, не переживайте. Мы всё уладим, – заверил Корф. – Не впервой.

И они съездили в университет, поговорили со студентами. Вчерашний задира, конечно, хорохорился, но офицеры ему втолковали, что если дуэль состоится, он непременно будет убит. Это среди студентов принято драться лишь до первой крови: руку поцарапай противнику и уже – победитель. Университетское начальство смотрит сквозь пальцы на забавы студентов со шпагами. А кадету драться до первой крови нет никакого резона. В военном корпусе законы много суровее: кадета, замешанного в дуэли, сразу же сошлют в солдаты без права выслуги, то есть, при любом раскладе он теряет всё и будет драться насмерть. А поскольку он, как будущий воин, занимается фехтованием у лучших учителей, то у студента нет ни единого шанса остаться живым. Уж лучше принести публичные извинения, тем более что сам грубить начал. Студент размышлял пару дней и согласился. Эта же компания собралась вместе ещё раз, и задира попросил прощения у Целищева, освободив Лапина от необходимости драться.

Через несколько дней, когда лейб-гвардии гусарский полк обустроивался в палатках возле Красного Села, подъехала группа цыган. Один подскакал к гусарам, спросил Корфа и

Черского, сказал, что их вожак хочет с ними поговорить. Гусары были озадачены, но подъехали. Кто в этой компании вожак, поняли без объяснений. У всех цыган кони хорошие, с добротной сбруей, а у этого и уздечка, и седло были отделаны воистину по-царски. Красивый цыган лет сорока с чуть пробивающейся проседью в вороных волосах, в короткой чёрной куртке с серебряными пуговицами, под которой поблескивал ремень, богато изукрашенный серебряными бляшками. На ремне серебряные ножны со столь же богатой отделкой, сумочка под вид солдатской лядунки из того же металла, на пальцах – золотые перстни. Посмотрели, оценивая друг друга, потом цыган сказал, что приехал поблагодарить гусар за помощь, что они оказали Серёже Лапину, и пояснил:

– Серёжа с моим сыном с детства дружен, и при стычке со студентом за него вступился, а вы вступились за Серёжу, значит, вам я обязан.

– Ну что Вы? За что благодарить? Мы сделали то, что должны были, не более того! – ответил Черский облегчённо. Он был встревожен появлением вооружённых цыган, не знал, что ждать, а оказывается, всего-то – спасибо сказать приехали.

– Не каждый бы на вашем месте стал вмешиваться, не каждый, потому и благодарю, – возразил цыган.

– Простите, как к Вам обращаться? – спросил Корф. Он вспомнил слова матери Николая, что надо отца срочно найти, чтобы он проблему разрешил, и, сообразив, о ком шла речь, подумал, может, они студента от неминуемой смерти спасли.

– Русские меня Константином зовут, цыгане – Кхамоло.

– Разрешите поинтересоваться, Кхамоло, а что бы Вы сами сделали, если б мы не вмешались? Прирезали б, что ли, обидчика сына?

Цыган укоризненно покачал головой:

– И как бы вы на Серёжу после этого смотрели? Разве не сочли бы, что это для него хуже, чем сама дуэль, позорней? Когда отец в разборки сына влезает, кто после этого парня уважать будет? – этими словами цыган удивил офицеров: надо же, и среди конокрадов понятия о чести существуют! А Кхамоло твёрдо сказал. – Нет. Я бы не стал вмешиваться. Потому и благодарен вам.

– Значит, всё хорошо разрешилось. Правда, в карцере их компания посидела, но это только на пользу. Чтоб неповадно было впредь по трактирам шататься, форму позорить.

Цыган сказал ещё, что в случае необходимости офицеры могут к нему за помощью обращаться.

– А чем Вы можете нам помочь? – удивился Корф. Про себя подумал: «Ничего себе, покровитель гусарам выискался?»

– Мало ли что в жизни случиться может. Любому цыгану скажете, что вам Кхамоло обещался помогать, так они постараются...

Попрощались, поблагодарили друг друга, цыгане уехали, а гусары, немало озадаченные, остались.

– И как тебе вожак?.. И как тебе Анастасия Павловна? – спросил Черский. Офицеры при встрече с матерью Целищева, которая показалась им довольно приятной, догадались, что перед ними – дворянка, но раз сын – не дворянин, значит, муж из простых. Бывает подобное, не особо не удивились. А тут оказывается, муж-то её не только – не дворянин, а цыган. Может, и принадлежит к знати, но особой – цыганской!

Корф покрутил головой потрясённо, похмыкал, размышляя, произнёс задумчиво:

– Мда-а... Что и сказать?.. Хотя, хорош собой, хорош... И держится, как особа королевской крови... Хотя... Хотя... Не знаю, друг, не знаю... Занятно всё это, надо, пожалуй, Лапина расспросить, а то от любопытства сна лишусь, – решил Корф.

Глава 5

14 декабря 1825 года с утра корпус присягнул новому Императору, занятия в честь этого были отменены. Днём заметили на другом берегу Невы на Сенатской площади скопление людей. Кто-то принёс весть: «Бунтовщики! Те, что не желают присягать Николаю, собрались перед сенатом». Кадеты и преподаватели с тревогой наблюдали из окон, на ту сторону отправляли солдат из obsługi узнавать, что к чему. Сначала отряжённые за новостями рассказали: солдаты с того берега уверяют, что Константин, которому присягали недавно, арестован вместе с великим князем Михаилом, потому и протестуют. Потом оказалось, что якобы арестованный Михаил Павлович сам на площади появился и уговаривает мятежные полки подчиниться Николаю. Народу там становилось всё больше, чернь скопилась вокруг, облепила площадь, люди даже на заборах и на деревьях висли. Из-за столпотворения наблюдать за происходящим было всё сложнее. С началом сумерек раздались ружейные выстрелы и затем – пушечные залпы. Солдат из корпусной obsługi прибежал донельзя перепуганный, сообщил, что кто-то из толпы стрелял. Генерал-губернатор Милорадович убит, в великого князя Михаила Павловича тоже стреляли, но солдаты не дали убить, оружие у разбойника выхватили.

А на том берегу уже говорили пушки, солдаты мятежных полков убегали врассыпную по льду Невы, но кто-то их задержал, они стали строиться в шеренги лицом к Сенатской площади. Атаковать, что ль, планируют? Зачем? Вдруг лёд от их тяжести треснул, разошёлся, и кадеты в ужасе увидели, что солдаты барахтаются в воде меж льдин, чьи-то головы скрывались под водой окончательно, а кто-то ползёт, оставляя за собой на сероватом льду тёмные полосы – наверное, раненые. Выползшие, перешедшие реку собирались под окнами кадетского корпуса.

Мальчики высыпали на улицу и стали заносить раненых да искупавшихся в ледяной воде в свой лазарет. Преподаватели не вмешивались, кадеты действовали сами. Здоровых направляли в просторный корпусный храм, раненых – в лазарет, перевязали, напоили. Вечером на построении перед ужином старшие гренадеры шёпотом передали по строю тайный приказ: «Пирогов не есть – раненым!», и никто, даже самые младшие, не ослушался. По выходе из столовой каждый нёс пирожок и котлету, пряча их от глаз преподавателей.

Нет, не все кадеты были готовы помогать солдатам. Сергей слышал, как между старшими небольшая перепалка случилась. Один просил помочь перевязать раненого, а то рук не хватает, другой брезгливо ответил: «Был бы офицер, с радостью! А ухаживать за солдатнёй? Увольте!» Но и этот кадет всё же помогал: он перед входом в лазарет организовал дежурство, не допускал туда тех, кто чисто ради любопытства хотел заглянуть, и передавал просьбы оттуда: принести то-то, позвать того-то. Сергей лапин и Фёдор Звезлицев несли в двух блюдах собранные у младших пироги, котлеты, вынесенные тайком из столовой. Их пропустили.

Ребята осторожно расспрашивали, отчего ж солдаты императору не хотели присягать, а те, растерянные, мямлили: «Командир приказал, как приказ не исполнить?» «Сказывали, что императора Константина и жену его, Конституцию, арестовали, высвободить надо...»

– Но ведь у Константина жену не Конституцией звать. Конституция – совсем другое! – изумился кадет.

– Нам про то неведомо, командиры привели, вот мы и стояли, пока пальба не началась...

Ребята видели перепуганных насмерть солдат, и им передавалось то же чувство, кто-то всё ж осмелился задать вопрос:

– Значит, вашего командира кто-то ввёл в заблуждение?

«А отколь нам знать?» «Похоже, заблудились...»

Вечером кадеты долго не могли заснуть: обсуждали то, что видели и слышали. Получается, что солдат привели обманом... А их командиры тоже были обмануты или что-то знали?

Ради чего? С какой целью? И бывает ли такая великая цель, ради которой нужно обманывать? Юные кадеты ничего не понимали, похоже, что и преподаватели понимали не больше...

Ночью солдаты были куда-то увезены. А назавтра, во время утреннего построения, неожиданно приехал новый государь Николай Павлович. После бунта были, наверное, у него и другие дела, а он счёл не менее важным визит к кадетам.

Новый Государь-Император был выше всех из сопровождавшей его свиты, его треугольная шляпа с белым плюмажем возвышалась над такими же треуголками самых высоких из его адъютантов. Покойный император Александр Павлович тоже был высок и статен, однако Николай – третий из сыновей Павла Петровича – был выше всех из семьи Романовых, старших братьев он почти на голову перерос. К моменту восхождения на престол Николаю Павловичу исполнилось 29 лет. Подтянутый, стройный, необыкновенно хорош собой, но – грозен, ох, грозен! Оглядел стоявших навтыжку и почтительно взирающих на него кадет и громко, зычно изрёк, словно приговор вынес:

– Здесь дух нехороший!

– Военный, Ваше величество, – с почтительным поклоном отвечал встревоженный директор Перский.

– Отсюда Рылеев и Бестужев! – обвиняющим тоном продолжал император.

– Отсюда Румянцев, Прозоровский, Каменский, Кульнев и отсюда Толь, – напомнил Государю директор.

– Они бунтовщиков кормили! – сказал, указав на кадетов, государь и надменно, вопрошающе посмотрел в глаза директору.

– Они так воспитаны, Ваше величество: храбро драться с неприятелем, но после победы призывать раненых, как своих.

Да, кадеты не чувствовали за собой вины: перевязать раненых, накормить их – это же не измена, а милосердие...

Николай Павлович молча прошёл вдоль строя, оглядывая юношей строго и, более ничего не сказав, удалился, увёл за собой повторяющих каждое его движение, чуть ли не каждый взмах его царственной руки, только полусогнутых в поклонах адъютантов. А в зале ещё долго стояло ничем не нарушаемое напряжённое молчание.

Понемногу восстановилась привычная жизнь: занятия в классах, на плацу, в фехтовальных и танцевальных залах, и о событиях, случившихся после присяги новому императору, старались не вспоминать. По крайней мере – вслух...

Глава 6

В апреле в корпусе проходили экзамены. Самый высший балл за предмет – 12. Существовал список, из которого было видно, кто из кадет набирает баллов больше всего. Сергей и его друзья чаще всего как лучшие из гренадер были в числе первых. Лишь с Жоржем случалось всякое: он бывал и первым по списку, и двадцатым, и тридцатым. Он обладал прекрасными, почти гениальными способностями, однако ему не хватало усидчивости, и крепко подводили оценки по поведению.

Одновременно с экзаменами начиналась подготовка к ежегодному майскому параду, в котором участвовал сводный батальон из кадет, юнкеров, учащихся всех столичных военных училищ и дворянского полка, в него отбирались лучшие воспитанники каждого заведения. Подготовка к параду шла на огромном плацу первого корпуса, здесь было где развернуться, мог парадировать целый полк военного состава! Репетировали церемониальный марш. Гоняли юношей долго, команда: «Батальон, кругом... марш!» повторялась раз за разом, все старались, однако командиры вновь и вновь находили причины, чтоб придраться. Сверкали штыки мушкетеров, гулко нёсся удар «с носка!», «ать, два, ать, два!», проплывали мимо зрителей стройные, сплочённые ряды (зрителями были младшие кадеты, аплодирующие старшим товарищам).

За время учёбы Сергей полюбил эти учения, он уже испытывал восторг от чёткого, размеренного печатания маршевых шагов, когда на плацу собраны несколько рот, и по команде все выполняют одну и ту же команду, все – как один! В этом было что-то очень значительное, мощь, слаженность, и казалось, если вот так они отправятся на неприятеля, никто не сможет устоять против их сомкнутого строя.

Также любили кадеты военные прогулки по городу с горнистами и барабанщиками, и каждый раз радостно подмечали, как прохожие любят ими. Проходя мимо памятника Петру Первому, обязательно подтягивались, гремела команда ротного: «Смирно! равнение налево!» Возле памятника обязательно стоял на часах дворцовый гренадер, он отдавал кадетам честь, держа «на караул». Затем шли на Марсово поле, там можно было отдохнуть. Кадеты сами превращались в зрителей, наблюдая за учениями гвардейских полков. Все уставали от подобных «фронтных» прогулок, особенно, если маршировать приходилось по талому снегу или по грязи. Но воин должен был быть вынослив, неприхотлив, и ребята терпели. Слова Суворова: «Тяжело в ученье – легко в бою» ободряли и подхлестывали их.

Особое удовольствие доставляли мальчишкам выходы торжественные, парады, смотры, на которых бывал император, когда позволяли выносить знамя. Их юные души ликовали от восторга. Это случалось нечасто, майский парад был великим событием. Потому готовились тщательно, заранее оповещали родственников, знакомых барышень, и те собирались на площади, где назначен смотр, а если туда уже было не протиснуться (зрителей всегда набиралось больше, чем могло вместить Марсово поле), то выстраивались вдоль проспектов, улиц, по которым кадеты маршем шли к месту сбора. Дамы, барышни обмирали от восторга, указывали друг другу: «Смотрите, мой сын!.. мой брат!..», махали платочками. А сыновья и братья бросали на родных, знакомых взгляды искоса, улыбались горделиво, но подать знак, ответить на приветственные возгласы права не имели, зато ещё более подтягивались, держали равнение, старались выглядеть ещё более браво.

Обыватели при виде колонн со знаменосцами снимали шапки и крестились. Мужчины в военной форме становились навтыжку – «во фронт», отдавали честь развёрнутому штандарту. А чиновники в мундирах разных ведомств жались к стенам домов. На них в такие моменты было принято смотреть с презрением. Это вам не Китай, где уважаемой была чиновничья служба, а как раз солдат издревле не почитали.

Вон старая барыня Безбородко, красавица времён Екатерины, к коей и поныне все относились не только с крайнею почительностью, а чуть ли не с подбострастием, племянника троюродного, по заграницам помотавшегося, из дома выгнала да и родне многочисленной передала, чтобы не смел никто принимать. За что? А он в её салоне разговор повёл, что за границей и священники, и адвокаты, и чиновнички разные тоже к уважаемому обществу принадлежат. Мол, в Англии в семье одной был, где один брат богатым имением владеет, а другой брат – нотариус, третий – викарий, и что помещик братьев, низким делом занимающихся, не чурается, за столом рядом с уважаемыми помещиками усаживает. И никто из аристократов не считает за унижение с подобными людьми общаться. А в Германии, мол, одного барона видал, который в институте лекции читает, отроков, балбесов немецких обучает, учительствует, стало быть. И не стыдится службы, к нему немецкие дворяне с почтением относятся. Путешественник убеждал гостей барыни, что и в России такие порядки завести надо, что и адвокат, и учитель, и чиновник тоже отечеству служат. Старуха таких речей у себя дома слушать не пожелала. Заявила: «Дворник, что улицы метёт, тоже нужен, так что ж, ты и ему руку подашь, за свой стол посадишь?» Нет, русские дворяне до подобной низости себя не опускают. Вон на Москве какой-то дворянчик пошёл в учителя, так родня его принимать у себя отказалась, к матери своей тайком, только с чёрного хода, наведывается.

Глава 7

Военная служба дохода почти не приносила. Жалования офицеров маленькие, а экипировались они за свой счёт. Офицеры-кавалеристы должны ещё и лошадей на свои деньги приобретать. Так повелось издревле: считалось, раз Государь наделил дворян землёй и крепостными, крестьяне и должны кормить служилого человека, а его забота – государство защищать. Дворяне от всех податей освобождены, потому что они государю, отечеству своей кровью, жизнями платят. Старые порядки миновали, и уже не отбирал царь-государь земли помещичьи, если защищать отечество из семьи никто не шёл. Однако дворянин, пусть и обладавший огромным состоянием, но не отслуживший как минимум пять лет в армии или по какому-нибудь ведомству, до старости должен подписываться в документах как «недоросль», то есть, не доросший до службы, он не обладал правом голоса, ему нельзя принимать участие в дворянских собраниях. «А поди-тка послужи, тогда и уважение будет».

Но всё больше и больше становилось дворян безземельных и малоземельных, которые не имели средств на лошадей и дорогие мундиры. Небогатые служили в пехотных полках, где мундиры поскромнее, дворяне со средним достатком бывали драгунами или уланами, а быть гусаром или кавалергардом могли позволить себе только отпрыски самых богатых фамилий. На разукрашенные золотым шитьём гусарские ментики и доломаны, на белые мундиры с золотыми эполетами кирасир и кавалергардов, на породистых скакунов, обязательных при такой службе, уходили просто астрономические суммы. Но зато в любом салоне молодой человек в мундире гусара или кавалергарда был желанным гостем, перед ним млели дамы, он вызывал восторг у дворянских недорослей, на него с завистью оглядывались мужчины. Недаром говорится: хочешь стать красавцем, иди в гусары.

Лишь самые бедные из дворян шли в чиновники. Чиновничьи жалованья бывали всякими – и мизерными, и солидными, но чиновник имел возможность пополнять скромный доход благодаря просителям. Расходы на мундир чиновничий несравнимо меньше, чем на офицерский, и переезжать с места на место не приходилось. Выходило, что жизнь чиновника спокойнее, чем у военного, да и сытнее. И офицеры допускали жестокие шуточки по отношению к штатским, рябчиками их именовали. Например, рассказывали, как два офицера-гусара увидели чиновника, засмотревшегося на витрину магазина, подошли к нему сзади, взяли полы шинели и, дёрнув одновременно в разные стороны, разорвали пополам. За что трусливую душонку, бюрократишку, что с каждого посетителя норовит последние копейки стясти, уважать? Жаловаться чиновник не посмел.

При Екатерине-то не особо утруждали себя дворяне – записывали новорождённого сына в какой-нибудь полк, и к десяти годам он, если полковой командир к родителям благоволил, мог уже числиться офицером, а к восемнадцати – и в майоры быть произведён. И достаточно было молодому дворянину просто появиться в полку, покрутиться в нём недолгое время и подать прошение о выходе в отставку – он уже считался отставным поручиком, капитаном и т.д. В армии недолюбливали таких сверхсписочных, настоящей службы не знающих. Но, видя, что так многие поступают, и добросовестные офицеры рвения к службе не проявляли.

Павел, вступив на трон, повёл с этой практикой решительную борьбу: всем, кто лишь числился, но не служил, приказал явиться в полки. Либо приказывал лишать чинов таких дворян. Стал государь требовать от дворян настоящей службы, от коей они уже отвыкли, за это и поплатился жизнью. Не простили дворяне ущемления прав своих, за 18 век привыкли, что могут менять императоров по своей прихоти, вот и убрали чересчур требовательного. Александр I, придя на смену отцу, восстановил дворянские льготы, и снова большая часть дворян предпочитала, рассуждая о свободе, равенстве, братстве, о прочих высоких материях, симулировать.

Глава 8

В Смольном преподаватели посчитали Таню замкнутой, малообщительной. Сдружилась она только с двумя сёстрами-погодками Мари и Натали Вельскими, девочками добрыми, тихими. Но и им мало что рассказывала, чаще спрашивала. Она ушла в себя. Иль не ушла в себя, а просто не с кем было здесь в остроумии состязаться. Это дома постоянно приходилось от подколов братца Кало защищаться, причём с оглядкой, как бы её ответы Серж не счёл ни глупыми, ни грубыми, а то не дай Бог, посмотрел бы насмешливо, да спросил, как это с языка дворянки могут подобные слова слетать. Дома её язычку некогда было отдыхать. И среди воспитанниц Смольного тоже были девицы, коих считали язвительными насмешницами. Когда Таня только осваивалась в девичьем обществе, её пытались подкалывать, подлавливать: проверяли, что новенькая из себя представляет. Таня всегда находила не менее язвительные ответы на остроты смолянок: где уж этим девицам было с Кало тягаться? И её в покое оставили, не цепляли больше и носы перед нею не задирали.

В институте был немного странный обычай: каждая воспитанница кого-нибудь обожала. Учителя, воспитательницу, старшую смолянку или даже священника. Кого угодно, только не классную даму и не директрису, чтобы в подхалимаже нельзя было заподозрить. Предметам обожания дарили на все праздники какие-нибудь сувениры, сделанные своими руками, предлагали помощь в чём угодно: хотя бы журнал от класса до кабинета донести, а если младшая смолянка «обожала» старшую, та могла помыкать ею, как угодно. И обе при этом получали удовольствие. Таковы условия игры. И все без исключения обожали императора. Когда государь обедал в Смольном, девушки соревновались меж собой, упрасывая начальницу, чтобы им позволили прислуживать за столом, и считали счастьем, если удавалось утащить кусочек хлеба, оставшийся после высокого гостя, а после носили засохший огрызок на груди.

Таня предметом обожания выбрала доктора Якова Карловича. Это был тщедушный на вид мужчинка лет пятидесяти, черноволосый с проседью. Единственное, что было значительным в его лице и фигуре – брови, не самые, пожалуй, густые, но самые длинные, они были шире лица и, словно у филина, разлетались в стороны так, что если сзади на доктора смотреть, над ушами видны были их торчки. Старый солдат-истопник смешно о нём говорил: «Ишь ты, до чего немеч броваст!».

Яков Карлович называл себя прусаком, в этом Таня чувствовала какую-то ложь. Но ведь и она сама никому в Смольном не говорила, что её кузены – цыгане, сообщила, что они не дворяне, и всё. Если Яков Карлович называет себя прусаком, не являясь им, это его дело. А доктором он был хорошим. Таня убедилась в этом, когда сама приболела: в дортуаре¹ было холодно и сыро, она, не привыкшая к такому климату, раскашлялась, и её отправили в лазарет. Сначала «немеч бровастый» её возмутил. Начал спрашивать, кто и чем из родни болел, узнав, что отец умер из-за раны, пробормотал меланхолично: «gut, gut». «Что хорошего-то?» – ужаснулась Таня. «Хорошо, что не от чахотки умер, и я могу не опасаться, что у Вас, мадмуазель, чахотка наследственная» – столь же меланхолично объяснил он и добавил: «Ваш Vater сделал ошибку, что в Петербурге жить стал. Здесь плохой климат. Человек с простреленным лёгким не должен здесь жить».

Доктор давал настойки, что готовил сам, и Таня быстро поправилась. Потом стала помогать ему в уходе за другими институтками. Яков Карлович был снисходителен к смолянкам: если какой-то девице надоедали занятия, и она жаловалась на головную боль или что другое, доктор, даже видя, что та симулирует, лишь вздыхал огорчённо, но освобождал от занятий, даже предлагал полежать в лазарете. Чем смолянки, конечно же, пользовались.

¹ Дортуар – спальня

Таня, помня наставление Пелагеи, старалась не проявлять себя. Доктор назначал лечение, она его рекомендации и выполняла. Правда, иногда, интересуясь рецептами настоек, сообщала: «А моя бабушка при этой болезни ещё и такую-то травку использовала...» Доктор двигал своими длинными бровями, задумывался, причмокивал, а потом говорил: «Пожалуй, можно и добавить!», или: «Напрасно. Народ эту траву колдовской считает, а медицина доказала, что она никакими лечебными свойствами не обладает!» Когда Таня видела, что лечение затягивается, она садилась возле больной, разговаривала, клала руки той на грудь или на голову, чем незаметно помогала изгнать хворь. И ни девушки, ни доктор не подозревали, что их выздоровление зависело от её желания. Ни во что другое Таня старалась не вмешиваться.

Правда, прежнюю их классную даму Елизавету Даниловну, слишком придиричивую, пытающуюся воспитанниц муштровывать, как солдат, два раза посадила в лужу. Буквально. Первый раз – во время прогулки. Институткам ходить разрешалось только парами и только по деревянным мосткам. Не дай Бог сделать хоть шаг в сторону! То была первая весна, которую Таня встречала в Смольном. Их вывели на получасовую прогулку, а как раз накануне дождь прошёл, и мокрая трава блестела под солнечными лучами, переливалась заманчиво. Хотелось пройтись по мягкой лужайке, но классная дама считала это недопустимой вольностью. Идущая во второй паре Стасенька Морозова не удержалась и наклонилась, сорвала листочек манжетки с дождевой капелькой, поднесла к губам. Елизавета Михайловна, увидев это, раскричалась, мол, смолянка дурные привычки демонстрирует! Стаси, испуганная и обиженная, отбросила травинку. Таня, идущая почти в хвосте, собравшись, уставилась на классную даму, а потом – взглядом! – ударила ей под коленки. И Елизавета Даниловна шлёпнулась попой в лужу, обрызгивая смолянок. Не сразу поднялась, сначала с открытым ртом таранилась на отворачивающихся от неё и зажимающих смехи девочек. Она-то шла по траве и видела, что из воспитанниц пихнуть её никто не мог, но толчок ощутила и оглядывалась недоумённо, пытаясь отыскать виновника своего конфуза.

Потом эта же дама хотела наказать другую девочку старшего возраста. Она в тот день дежурила в зале для гостей и заметила, что смолянке кем-то была передана записка, которую та торопливо спрятала в лифт. Перед посетителями классная дама поднимать шум не стала, но как только воспитанница, простившись с родными, вышла в коридор, потребовала отдать записочку. Девушка даже не успела прочесть её, но крикливая воспитательница заявила, что там содержатся одни непристойности, и пообещалась, что о возмутительном поступке будет говорить с директрисой. Воспитанница дрожала от страха, её подруги и другие свидетельницы этой сцены – от возмущения, но никто не смел перечить. Елизавета Даниловна, положив записку в папочку для доклада, пошла через улицу к другому входу в главный корпус. Это было поздней осенью, во время очередной оттепели, когда лежавший почти неделю белым покрывалом снег таял, земля раскисала. Таня через окно наблюдала, как дама в жемчужно-сером платье и накидке, осторожно приподнимая подол, переступает через лужи, и только слегка, чуть-чуть, взглядом подтолкнула её – и та, поскользнувшись, упала навзничь, взмахнула руками. Папка выпала, раскрылась, и ветерок подхватил её содержимое, закружил и разбросал во все стороны белые листы. Подбежавшие слуги помогли надзирательнице подняться, собрали разлетевшиеся бумаги, однако компрометирующую (а может, совсем невинную) записку найти не удалось. Барышни, стоящие у окон, молча торжествовали, мол, есть ещё справедливость, но вслух обсуждать падение строгой дамы не решались. Правда, потом называли её про себя не иначе как мокрая попа. Следствием было то, что Елизавете Даниловне предложили перейти в другой институт – Александровский, где обучались менее родовитые дворянки и мещанки. А в их класс пришла молоденькая Екатерина Дмитриевна, которую все девочки полюбили.

У Якова Карловича Таня выпрашивала, может ли она на доктора выучиться. Тот недоумевал: зачем это барышне? Объяснил, что ни в одной стране нет университетов, где б девицы обучались. В Петербурге есть только бабичьи курсы, где женщин учат роды принимать. Но они

для баб низкого званья, кои получив документ об окончании, будут акушерством на жизнь себе зарабатывать. Оценив настойчивость девочки, Яков Карлович стал ей давать учебники, трактаты медицинские. Немецкий язык Таня знала хорошо, поэтому многое понимала, поне-многу и латынь освоила. Доктор не прочь был с ней о своей профессии беседовать, сказал, что, в принципе, женщине полезно медицину знать, чтоб она хотя бы за своими детьми, за мужем умела ухаживать. Есть и принцессы, что медицину изучают. О французской королеве Екатерине Медичи поведал, рассказал, что та не только лекарства, но и яды хорошо знала, сама готовила их и, по слухам, многих противников своих отравила. Увидев, как Таня широко глаза раскрыла от желанья подробности вызнать, книжку о королеве-отравительнице принёс.

Весна 1826-го была в Смольном трудной. Здесь всегда очень строго соблюдали посты, а в этот Великий пост, похоже, переусердствовали. Целый месяц на завтрак, обед и ужин давали лишь пустую кашу да по ломтику хлеба, иногда картошку в мундире. Того, что было на столах почти всех жителей города во время постов – грибов, огурчиков, других солений, да хотя бы сушёной моркови иль репы – в институте благородных девиц как будто не знали. Воспитанницы еле бродили по длинным коридорам от слабости, худели, бледнели, однако их бледность умиляла взрослых дам, а не тревожила. Из воспитательниц, надзирательниц многие говели наравне с ними, и убеждённо доказывали, что пост необходим, поскольку это помогает умерщ-влять плоть, способствует тому, что молитвы к Господу быстрее доходят.

Но вот у одной случился голодный обморок, у другой, затем в день по несколько воспи-танниц падали без чувств. Наконец, доктор, к которому в лазарет приносили на руках одну за другой смолянку, не выдержал и подал протест. Через службу иль учителей, живших в городе и приезжавших в институт лишь на урочные часы, иль через записки девушек к родным, све-дения о том, что смолянок морят голодом, просочились за стены Смольного. Общество воз-мутилось, весь город стал сочувственно обсуждать жизнь смолянок. Была устроена комиссия из священников и уважаемых докторов. В общем, Великий пост был прекращён раньше поло-женного, кормить институток стали посытнее.

Перепуганная скандалом директриса решила воспитанницам дать послабление и в дру-гом. На Троицу кое-кого из прилежных воспитанниц отпустили к родственникам. Когда Алек-сандр Петрович приехал навестить Таню Телятьеву, мадемуазель Кати – классная дама – поин-тересовалась, не желает ли уважаемый опекун забрать барышню на праздники. Лапин, конечно, не отказался, и Тане неожиданно выдались три свободных счастливых денёчка.

Глава 9

Для Сержа праздничные дни начались, как обычно, прогулкой с друзьями по городу. Серж пригласил погостить у него москвича Олега Руперта, а к графу Звегливцеву переехал на каникулы Егор Приходько, харьковчанин. Днем ребята компанией из шести кадет и четырёх барышень съездили на ярмарку, покатались по Невскому. Устав от городских развлечений, поехали к Сергею, чей дом был ближе всех.

Шумной, весёлой толпой ввалились в парадную гостиную. Им навстречу из-за столика поднялись двое: Александр Петрович и худенькая большеглазая девочка-подросток в светлом платье. Радушный хозяин только собрался раскланяться с гостями, как Сергей, забыв о приличиях, разрушил чинную церемонию приветствия и обмена любезностями.

– Танюша, ты?! – радостно воскликнул он. – А ну, иди ко мне! – Девочка сделала робкий шаг навстречу, смущенно и радостно улыбаясь. Он встретил её распростёртыми объятиями, подхватил на руки и закружил по комнате. А она прижималась к нему, радостно хихикая. – Стрекозка моя! Как давно я тебя не видел!.. Как я рад, что ты здесь!.. – наконец, поставил её на ноги, всё так же восторженно оглядывая с ног до головы. – Выросла. Но раньше ты мне была до плеча, а сейчас отстаешь... Ой, какая ты... – его поразила худоба девочки, и он хотел было сказать об этом, но запнулся, вспомнив о гостях: всё ж неприлично в присутствии ребят обсуждать внешность барышни.

Отец наблюдал за реакцией сына с довольным видом, кадеты улыбались заинтересованно, а на лицах девушек читались любопытство и досада. Сергей не смог сдержать свою радость, так как появление Тани оказалось для него сюрпризом, но всё ж взял себя в руки и представил её друзьям:

– Барышни, друзья мои, прошу любить и жаловать: Танюша Телятьева, моя... – он немного замялся, как бы забыв нужное слово, немного помедлив, сказал: – ...кузина. И подруга детских лет, свидетельница и соучастница всех моих детских приключений.

Таня разглядывала друзей Сержа и девиц с любопытством и даже некоторой завистью: они часто видятся с ним, а она – подруга детских лет – не имеет такой возможности. С улыбкой склонила голову, сделала реверанс:

– Очень рада, господа. Надеюсь, друзья Сергея будут ко мне столь же добры, как он сам.

Барышни кивнули благосклонно, но – Таня отметила сразу же – за милыми улыбками скрывалось высокомерие и даже ревность. Девицы уже считали себя взрослыми, принимали ухаживания кавалеров, маменьки с ними речи о женихах вели. И недоумевают, отчего Серж предпочитает им какого-то ребёнка? Рядом с ними, особенно с Ириной – рослой девушкой с пышной грудью – Танюша совсем маленькой казалась. Острые плечи, тощие руки, еле заметная грудь – чем тут молодых людей привлекать? «Ну и пигалица, с какой стати Серж так обрадовался?» – шепнула Ирина на ушко Лизе. Юноши, смотревшие на Таню без ревнивого предубеждения, заметили её милую улыбку, удивились глазам необычного сине-зелёного цвета, из-за худобы казавшимся совсем огромными. И то, что она младше их спутниц, не делало эти глаза менее привлекательными. Сергей поочерёдно представил Танюше своих друзей-кадет, они кланялись, улыбаясь широко, доброжелательно, (подруга Сергея – их подруга), и каждый, на ком останавливала внимательный взгляд эта «пигалица», как будто на несколько мгновений тонул в её бездонных глазах, подпадал под её обаяние.

Молодых людей пригласили отобедать. После долгой прогулки все проголодались. Когда позвали в столовую, Ирина как бы случайно оказалась рядом с Сергеем, ему пришлось предложить руку ей, зато Тане учтиво поклонился и подал локоть Олег. Так и расселись: Серж рядом с Ириной, а Таня с Олегом напротив – глаза в глаза. Девочка нашла, что иметь возможность видеть Сергея анфас – это лучше, чем сидеть рядом. Не вмешивалась в весёлую болтовню

молодых людей, так как не знала, над чем они подшучивают, на что делают многозначительные намеки, только наблюдала.

Пелагея говорила, что при первой встрече, пока разные мелочи не отвлекают, можно увидеть всю судьбу человека, или хотя бы то, кем он будет для тебя лично: надо его опасаться или, наоборот, можно надеяться в будущем на помощь. Девушка Таня удостоила лишь беглых взглядов, те были неинтересны, разве что Ирина, но и та, хоть, похоже, притязала на Сергея, опасений не вызвала. А в ребят, что учатся вместе с Сержем, и возможно, вместе будут служить, всматривалась пристально. О каждом кое-что поняла. Фёдор и Олег не похожи внешне, однако много в них общего, много. Таня перевела взгляд с одного юноши на другого и осознала: в обоих почудилось что-то крепкое, былинное, от богатырей. Фёдора про себя назвала Ильей Муромцем, а Олега – Добрыней. Но подумалось: раз фамилия у Олега немецкая, его надо не с Добрыней сравнивать, а с кем-то из рыцарей, с викингами, может быть? Впрочем, не всё ль равно, главное – суть в ребятах одна и та же. И Мишель из той же породы, статью почти, как Фёдор – высокий и широкоплечий, но Тане показалось, что душа у него не военная, он более нежен, раним. Хотя... это он сейчас таков, а пройдёт время, привыкнет к боям, возможно, душа его огрубеет. Мишель будет надёжным другом. Несмотря на то, что он брат Ирины, которая будет всегда испытывать к Татьяне неприязнь. Глядя на Жоржа, который казался в этой компании самым весёлым, беззаботным, Таня испытала тревогу. Вдруг увидела картину: ночь, снежный буран, а человек в серой шинели идёт, идёт, спотыкается, встаёт и снова идёт... Что дальше, дойдёт ли он, куда нужно, Таня не досмотрела, Олег отвлек вопросом о том, что мадемуазель подать. Потом пыталась ещё раз увидеть то ж самое, досмотреть, но не получилось... Егор рядом с Сергеем будет совсем недолго.

Чаще всего Таня обращала свой взор на Сергея. Как много их связывало в детстве! Но как долго они были в разлуке! Что он помнит, а что забыл, прежним ли остался? Да и он, по долгу хозяина ухаживая за гостями, то и дело посматривал на неё. Когда их взгляды встречались, улыбался счастливо и чуток вопросительно. И в его голове крутятся сейчас такие же мысли, и он пытается понять, насколько изменилась она. Изредка он заходил вместе с Александром Петровичем в Смольный, она, по крайней мере, знала, как он менялся внешне, как из мальчика превращался в юношу: высокого, красивого. Когда Серж появлялся в зале для посетителей, другие воспитанницы заглядывались на него, после приёмов подбегали к Танюше с расспросами. Бывали раздосадованы тем, что он – не родной её брат, а дальний родственник. Таню внешность Сержа в восторг не приводила, привыкла к ней с детства. Недаром же говорят: «Красота-то приглядится...» Видела, что взрослеет, замечала, что мундир ему к лицу, но не внешность её заботила. Хотелось знать, что происходило в душе юноши, как он проводит дни и вечера в корпусе, о чём размышляет. Но при кратких встречах на публике о чём можно поговорить? «Как живёшь? Как здоровье?» «Спасибо. Всё хорошо». Получалось, что они теперь – знакомые незнакомцы.

После обеда вернулись в гостиную. Ольга Сергеевна сделала попытку отделить «смолянку», сказала: «Танечка, давай не будем мешать молодым людям». Но Серж возмутился: «Маман, чем она помешает? В какой чулан Вы её хотите от нас спрятать?» И не обращая внимания на выжидательный взгляд Ирины, подал руку кухне. Таня, склонив голову, (о, в Смольном она научилась изображать смущение, выглядеть робкой, послушной – там это искусство ценилось превыше всего!) положила руку на локоть Сержа, но рука её – почти случайно! – скользнула дальше, и ладонь попала в раскрытую ладонь юноши. Он как будто бы ждал этого, сразу пожал её. Таня не подняла головы, но улыбнулась и ответила на пожатие.

– Серж, ты не будешь против, если я сяду к роялю? – спросила она. – Я всё равно ничего не понимаю из ваших разговоров.

– Конечно, если желаешь. И я даже... – он хотел попросить её сыграть мелодию, которую в детстве они нередко играли в четыре руки для бабушек, но оборвал себя на полуслове, так

как побоялся расспросов со стороны тех, кто не был посвящен в их тайны. Таня улыбнулась понимающе и, усевшись за рояль, начала тихонько наигрывать именно то, что он ждал. Серж бросил на неё восторженный, полный признательности взгляд. Прислушиваясь к музыке, он потерял нить разговора, и Ирина, о чём-то спросившая и не получившая ответа, демонстративно отвернулась от него.

Потом сумятицу внесло прибытие Николая: Александр Петрович, зная, что Таня очень привязана к двоюродным кузенам, послал за ними экипаж. Семён приехать не смог: у него был урок у итальянца, учителя музыки, того самого, что и с великокняжескими детьми занимается. Николай приехал один, но шумел за двоих: ворвался в гостиницу с весёлыми приветствиями всей честной компании, а особенно – сестричке-стрекозке, по которой весь исскучался. Кажется, он готов трещать без умолку. Восторженный, кинулся к поднявшейся навстречу Тане, обнял её за плечи. Таня обрадовалась, но не хотела выражать бурный восторг при зрителях, лишь, счастливо улыбаясь, пристально посмотрела на брата. И он тоже долго нежно и преданно смотрел в её глаза, вздохнул глубоко, кивнул каким-то мыслям – её или его самого – и стал степенным. Подмигнул Танюше, чинно раскланялся с барышнями и друзьями Сергея, подставил стул к роялю и уселся возле девочки. Склонившись над клавишами, хитро улыбнулся и шепнул:

– Танюха, отправь-ка этих господ по домам. Хоть поговорим спокойно. Не разучилась?

Вслух предложил:

– Сестричка, может, сыграем что-нибудь вместе? Покажи, чему тебя в Смольном обучили.

– Отчего б не сыграть? В Смольном меня обучили многому. Господа, какую бы мелодию вы хотели послушать? – спросила она, медленно обводя взглядом присутствующих.

Желающих слушать музыку не нашлось. Девицы вдруг вспомнили, что им давно нужно дома быть, а то мама и папа будут недовольны, кавалерам пришлось их сопровождать. Серж, проводив гостей до крыльца, почти влетел обратно в гостиную. О, каким обрадованным он выглядел! И Кало – тоже! Однако братец от её вида чуть слезу не пустил:

– Танюха, до чего ж ты тощая! Тебя в Смольном голодом морят, что ли?

– Что поделать? Мы все посты очень строго блюдем. Но помнишь, как няня Аринушка говорила: «были бы кости, мясо нарастёт». – Тане было безразлично, худая она или толстая. Николай же не унимался.

– Издеваются над вами? И зачем только тебя в Смольный определили? Серёж, скажи отцу, чтобы забрал Таню из института, а то ведь заморят её совсем... – Николай не терпел над собой никакого насилия, не любил, когда другим не дают жить свободно, и сейчас готов был метать громы и молнии.

Девочка лишь грустно вздохнула, улыбнулась, и Кало угомонился. И сам знал, из-за чего бабушка и дедушка решили её в Смольный отдать.

– Зато Смольный часто посещают Император и члены его семьи, они иногда удостоивают нас чести беседовать с ними, – подняв палец, с пафосом проговорила Таня. – За такую честь многие дамы готовы жертвовать не только обедами. Разве не так? – и захихикала, довольная. Потом обратила внимание на Олега, который улыбался, глядя на счастливую тройцу, но, возможно, чувствовал себя не совсем уютно:

– Ах, Олег, простите. Мы только меж собой общаемся, позабыли о Вас.

– Нет, нет, мадемуазель, не волнуйтесь, – запротестовал тот. – Вы имеете право на полное их внимание. Мы с Лапиным все дни вместе проводим, и с Целищевым давно знакомы. Я от них уже слышан о Вас, знаю, что они скучали.

– Скучали по мне? – кокетливо переспросила Татьяна, дёрнув плечиком. – Что-то не верится. Мне кажется, когда вы встречались с Николаем в каком-нибудь злачном месте, вам обоим и вспомнить некогда было.

Олег удивился прозорливости юной барышни. Ребята и вправду видались с Николаем вечерами, когда им удавалось улизнуть из казармы, частенько именно в злых местах. Да, при тех встречах было не до скуки. Увидев недоумение на его лице, Серж засмеялся:

– Руперт, не удивляйся, мы привыкли, что от этой стрекозы ничего невозможно утаить: она знает о нас с Кало всё.

– Увы, не всё, – сокрушенно вздохнула она. – Мне как раз очень бы хотелось узнать, как милый братец с цирком путешествовал. Расскажи, а?

То, что Николай сбежал из Московского училища, Таня узнала от Сержа. Потом Александр Петрович сообщал, в каком городе их бедовый родич появлялся – вести о нём приносили цыгане. Потом Таня услышала, что Николай в Петербурге. Её интересовало, чем же он занимался в цирке. И вообще, был ли он по-настоящему влюблён в ту артисточку? И что за любовь такая, если он уже без всякого трепета об этом болтает? А может, у неё ребёночек появился, и братец именно из-за этого её бросил? И не стыдно ли в таком случае?

– Ну, стрекоза, сразу да столько вопросов! – возмутился брат. – Давай хоть по порядку!

– Если по порядку, она красивая? И как ты познакомился с ней?

– Красивая, до безумия хороша! Какая фигурка у неё, какие глаза! – восторженно выдохнул Николай. – Цирк в Москве зиму стоял. Я, как на представление попал, от восторга чуть не лопнул! Много номеров было, один другого занимательней. Мне больше всего наездники понравились: на лошадях такие чудеса выделывали! И потом – она, Лили, в коротенькой юбочке и трико! Ходила по канату и жонглировала. Ничего больше не помню, как зачарованный был: на ножки, на всю фигурку её, словно точёную, пялился. Если б не приятели, пожалуй, потом и до квартиры не добрёл бы, заблудился б: всё перед глазами она стояла. Стал на каждое представление ходить, просился, чтобы меня приняли в труппу: кем угодно, хоть уборщиком, лишь бы её видеть. Сразу же хотел с дури учёбу бросить. Хорошо, тётка догадалась, немного мозги вправила. Сказала: любовь любовью, а дело – делом, и дело – важнее. Ну, я и учился, экзамены сдавал, а все вечера и выходные в цирке пропадал.

К лету народ из Москвы по деревням разъезжается, зрителей меньше, так и цирк засобирался. Лили к этому времени ко мне уже милостива была: я её по базарам, по магазинам частенько водил, а то она сама по-русски не понимает ничего. Я её и так и сяк убалтывал, упрашивал, чтоб нежность ко мне проявила. Она завлекать завлекала, а на ласки не соглашалась. Отшучивалась: мол, мужчинам верить нельзя. После заявила: поверю в твою любовь, если бросишь всё и со мной поедешь. А я уже по уши втюрился, разве мог устоять? Тут уж про все наставления тёток забыл. Конечно, поехал.

– Кем, как? На её содержании, что ль, был?

– Ну, сестрица, скажешь тоже! Чтоб я да на содержание?! Я к тому времени уж научился кое-чему, директор меня без вопросов взял. Сначала только за пропитание учеником к наездникам, а когда у меня дело хорошо пошло, он и деньги платить стал. Я сам хлеб свой отрабатывал.

– А с нею что?

– С нею? – Кало хитро улыбнулся, вздохнул шумно, глаза мечтательно сощурил. – А вот после того, как я на арену вышел, и директору это понравилось, она моею стала! Ух, как это!.. – юноша почмокал губами восторженно, потом на сестру строго взглянул. – Ладно, Танюха, тебе рано ещё об этом! В Киеве это было...

– Рано? – настырно набросилась та. – А может, говорить не желаешь, потому что она забеременела? Я, хоть и маленькой кажусь, а знаю, что от этого «ух как!» детишки получаются.

– Знаешь, да не всё! Детишки – совсем не обязательно, – назидательно сказал начинающий донжуан, потом задумчиво добавил. – Правда, было, что она меня как-то дней десять истериками изводила: показало ей, что забеременела. Я успокаивал, мол, ничего страшного,

а она такой визг поднимала: как на арену выходить, директор из цирка выгонит, жить на что? Но всё обошлось, она после снова ласковой была.

– А мне ты об этом не рассказывал, – удивился Сергей.

– А ты и не интересовался!

– Значит, она не обрадовалась бы ребёночку? – уточнила Таня. Для неё это было неприятной новостью. То, что мужчины детям не всегда рады, она знала, но чтобы женщина? Девочке казалось: это неправильно, не должно так быть, никак не должно.

– Не обрадовалась бы, – подтвердил Николай печально. – Да оно и понятно. Ей же по канату ходить, и как она туда с пузом? ...Много чего ещё было. Потом отец объявился, приказал, чтобы я цирк бросил.

Девочка поняла, что ей нужно перевести дух, осмыслить слова кузена. В Смольном на эту щекотливую тему наложено табу, отвыкла она от подобной откровенности, той, что для табора цыганского является совершенно обыденной. В институте благородных девиц даже при изучении Библии преподаватели торопливо пролистывают главы, в коих хоть какие-то намёки на зачатие встречаются. Не дай Бог, с языка смолянки сорвётся крамольный вопрос, просьба разъяснить! И все новости из города в институт поступают процеженными через плотные сита воспитательниц, очищенными от того, что не достойно ушей благородных барышень.

Таня обвела взглядом ребят. Серж улыбался, как бы подзадоривая: мол, спроси ещё что-нибудь эдакое неприличненькое, это меня позабавит. Олег, похоже, чувствовал себя неловко: для него новостью было, что юная барышня осмеливается задавать нескромные вопросы. Таня отметила это про себя, да и решила отмахнуться: не привык к подобному, и что с того? Цыгане считали, что вопросы продолжения рода – это главное, их все знать должны, взрослые без всякого ханжества постепенно раскрывали перед детьми все тайны. Потому в детстве Таня с Сержем и Кало рассуждали о своей будущей жизни откровенно. И чего ради делать перед Олегом конфуженный вид? И снова к Николаю обратилась:

– Ты уже разлюбил Лили, да?

– Ничего не разлюбил! Я и сейчас как вспомню – всё в душе переворачивается, не откажусь бы с нею побыть. Но развели пути-дорожки, ничего не поделаешь...

– Неправда! Если б любил, не смог бы тебя отец из цирка забрать, ведь не верёвками он тебя связывал. Раз ты согласился, значит, охладел. Обиделся, что она ребёночка не хотела?

– Вовсе нет! Всё вам, бабам, мерещится не то. Ой, прошу прощения: женщинам, дамам!.. – подумал и добавил менее уверенно. – Ежели и охладел, то по другой причине. Самому мне тоже кое-что мерещилось. Всё казалось, что не со мной одним она любезна. Не первый я у неё, да и не последний... – уныло вздохнул при этих словах Николай.

– Ну, это-то тебе точно мерещилось! – возмутилась и горячо вступилась за Лили девочка. – Если она любила тебя, не стала бы изменять!

– Ты, Танюха, законов цирковых не знаешь. Там ни одной бабы нет, которая бы с директором не спала, – печально сообщил юноша. – Жаль, тебя рядом не было: глядишь, подсказала бы, можно ей верить, или она только крутит мною, обманывает. Сам понять не мог: мучился, бесился от ревности. И тянет к ней, красотке соблазнительной, и мерещится, что она только что от директора выскочила...

– Пожалуй, и в обществе те ж законы, – вставил Сергей. – В цирке директор, наверное, как царёк, все в его власти. Артистка не смеет отказать хозяину...

Таня хотела поспорить – что за чушь Сергей несёт? – но почувствовала, что к двери кто-то подходит, подняла руку, полушёпотом потребовала:

– Молчите! – и уже совсем другим тоном – вышколенной смолянки – сообщила: – Между прочим, с прежней классной дамой у меня отношения не складывались, зато теперь к нам назначили новенькую, и она такая замечательная, просто душечка, я её обожаю! Мадемуазель Кати и вправду – прелесть!

Под эти слова в гостиную вошла Ольга Сергеевна. Кало и Сергей, увидев её, прыснули от смеха и кинули друг другу руки заученным движением, пожали их с возгласом: «Allesist gut!», Олег лишь удивлённо поднял брови. Мать Сергея, оглядев компанию с милой, но строгой улыбкой – как смотрят на расшалившихся детей, спросила:

– Дорогие мои, что весёлого рассказывает вам Танечка? Но время уже позднее. Линочку я отправила спать, Тане тоже в свою комнату пора. А вам надо подумать, что на завтра для пикника приготовить.

– Мама, не торопите Таню, пожалуйста, – попросил Сергей. – Мы так давно не виделись. Да, Тань, я не спрашивал, ты хочешь поехать с нами? Ты ж, наверное, целую вечность не выезжала за город!

Ребята ещё с утра договорились, что завтра всей компанией выедут на Финский залив. Танюша, по мнению Сергея, хорошо бы влилась в их компанию. Но мать запротестовала:

– Серж, это невозможно! Ей нельзя с вами! И для чего?

– Почему? – возмущённо начал Сергей, но Таня знала, что в Смольном вряд ли одобрят такое путешествие, и перебила:

– Нельзя, Серж. Если институтка появится в компании молодых людей, то будет большой скандал. В нашем институте с этим строго...

– Вот как? – переспросил Серж, подумал, похлопал глазами, а потом сказал. – Тогда я, пожалуй, тоже не поеду. Надеюсь, друзья меня простят.

– Что за глупости Вы говорите, Серж? – возмутилась Ольга Сергеевна. – Вы же вместе всё запланировали, и вдруг ни с того ни с сего не ехать! Я Вас отказываюсь понимать!

– Как ни с того ни с сего?! Я хочу пообщаться с Таней, с которой, кажется, уже сто лет не виделся!

Он готов был спорить и, в конце концов, мать уступила бы ему. Тане было приятно, что Серж хочет ради неё дома остаться, но зачем накалять обстановку? Пришлось охладить его пыл:

– Серж, правда, зачем отказываться от своих планов? Боюсь, это будет истолковано превратно. Поезжай с друзьями, а я хочу съездить в папин дом, повидаться с тётушкой и Сеней.

– Вот видишь, Серж, и Танечка считает, что тебе следует быть с друзьями, – а, обратясь к девочке, Ольга Сергеевна похвалила: – Молодец, ты становишься рассудительной. Завтра вместе съездим по магазинам, а потом и в твой родительский дом заедем.

– Но, маман, если мне нельзя завтра остаться дома, прошу Вас хотя бы сейчас не загонять Таню в комнату. Позвольте нам пообщаться! – последнюю фразу Сергей сказал таким капризно-повелительным тоном, что за его словами можно было услышать «Удалитесь отсюда!»

Мать почувствовала себя обиженной, но перед гостем это не выказала. Уважаемым гостем в её представлении был только Руперт, но и перед Таней – бедной родственницей, как она её про себя называла, и перед Николаем она не могла ронять себя. Кто они такие, чтобы перед ними демонстрировать неудовольствие сыном? С ним – немного избалованным, но умным мальчиком – они сумеют разъяснить все недоразумения после. Ольга Сергеевна чётко разграничивала людей по статусу, и до того, чтобы метать бисер перед недостойными, не опускалась. Впрочем, выходя из комнаты, столь пренебрежительно глянула на Николая, что другой бы от такого взгляда от стыда сгорел. Но юный цыган привык к третигованию с её стороны. Отец Сергея, Александр Петрович, относился и к его матери, и к ним с Семёном уважительно, Сергей и Георгий были друзьями детства, и на их мать он старался не обращать внимания. Хотя настроение она всё ж испортила, и Николай попросил кузину ради Бога не привозить Ольгу Сергеевну в их дом.

Глава 10

Потом ещё поболтали, перепрыгивая с пятого на десятое: то детство вспоминали, то кадеты о своей жизни говорили, то к приключениям циркача возвращались. Танюше рассказывать было почти нечего, ибо все дни в Смольном похожи один на другой. Но время позднее, Николаю пора уезжать. Когда его проводили, Серж, видя, что слуги крутятся рядом, тихонько шепнул:

– Сделаем вид, что спать отправляемся, а ты, немного погодя, приходи на четвёртый этаж, в библиотеку, к камину.

Таня кивнула. Им нужно было о многом поговорить tet-a-tet. Серж чувствовал вину перед Олегом: пригласил в гости, а внимание уделяет не ему, но, надеясь, что друг поймёт, на то он и друг, попросил Олега не обижаться.

– Что ты, Серж? Никаких обид! – успокоил Олег и осторожно поинтересовался. – А она для тебя гораздо больше, чем просто кухня, да?

Серж на своей постели соорудил из подушек подобие спящего тела – на всякий случай, вдруг кто в комнату заглянет. Такие обманки кадеты делали в казарме, когда сбегали на ночь пошататься по городу. Вопрос друга заставил задуматься, и он присел на кровать, комкая подушку в руках. Утвердительно покачал головой:

– Да, Олег, да... Больше, чем просто кухня. А насколько, и сам не знаю... Когда были маленькими, мы с Колей иногда даже дрались, споря, кто из нас её больше любит, и кого она любит... Но то в детстве... А что сейчас, не знаю. Насколько её изменили, перековали в этом Смольном монастыре? Поговорю, может, пойму.

– Успехов! Но, думаю, твоя матушка будет недовольна, узнав о свидании.

– Ничего она не узнает, – беспечно отозвался Сергей.

Олег вытянулся на диване, взял книжку полистать и незаметно для себя так и заснул с книгой в руках. А Серж ещё посидел, дожидаясь, когда прислуга перестанет суетиться за дверью и выскользнул из комнаты. Заметил на стуле кем-то оставленную шаль, захватил её и поднялся в библиотеку. Там, за книжными рядами, был очень уютный уголок: камин, столик, кресла типа вольтеровских. Сергей любил посидеть здесь с книгой в руках. Таня уже была там, стояла у окна. Вспомнил вопрос Руперта: кто она для него? В самом деле – кто? В детстве всё представлялось просто: они вырастут и поженятся, и дальше будут всегда-всегда вместе. Вообще-то они и тогда нечасто обсуждали эту тему, потому что казалось: зачем говорить о том, что и без слов ясно. А сейчас что? Смогут ли они снова стать друг для друга столь же понятными и необходимыми? Сержа и тянуло к ней, и он опасался её. Кто она теперь? Такая родная и такая незнакомая... И он для неё – кто, нужен ли? Он подошёл и осторожно накинул ей на плечи пушистую шаль. «На всякий случай, чтобы не замерзла». – «Спасибо, ты такой внимательный». Любезный ответ благовоспитанной девушки, но ничего-ничего ему не говорящий! И он усмехнулся грустно:

– А реверанс почему не сделала? Ужель не умеешь?

Тане стало немного неудобно. Как же вести себя, чтобы снова стать близкими, как разрушить выросшую за несколько лет разлуки преграду?

– Не обижайся, пожалуйста, – попросила она. Таня чувствовала себя скованно при нём, не знала, с чего начать разговор. – Да, меня приучили соблюдать все правила этикета, и от этого непросто избавиться... Не обижайся, ладно?

Он в ответ поцеловал её – не в губы, не в щёку, а в лоб: как старший брат или близкий друг, но не влюблённый. И отметил, что целовать в губы её – столь хрупкую, маленькую – даже не хочется. Появится ли у него когда-нибудь это желание?

– Ты, как и прежде, знаешь обо мне всё? Я должен тебе что-то рассказывать, иль нет необходимости?

– Лучше, если расскажешь. Раньше, когда мы виделись почти каждый день, ты для меня был, словно открытая книга, а сейчас закрыт... Я чувствую лишь, что ты сейчас весь подобен знаку вопроса – хочешь узнать, как я переменялась и как к тебе отношусь. Но и я то же самое хочу о тебе понять, – улыбнулась ему робко.

Серж сдвинул два кресла, они уселись друг напротив друга, vis-à-vis. Он наклонился, взял её руки в свои, заглянул в глаза.

– Мне кажется, я не изменился. Вырос, стал больше знать, но если ты заглянешь в мою душу, обнаружишь в ней всё прежнее. А ты стала другой. Смотрел на тебя, и не верилось, что это ты когда-то в таборе такой переполох устроила, что цыганки на коленях умоляли остановиться. Ты ли это была иль не ты?

– Я, Серёженька, я. Если ты ко мне в душу заглянешь, тоже всё неизменным найдёшь. Просто я поняла, что внешне меняться надо. Знаешь, кто на меня впечатление самое большое произвёл? Матушка-императрица. Представь, я увидела, как по коридору идёт высокая грузная женщина, пожилая, ноги с трудом передвигает, шаркает, но я, ещё не зная, кто она, перед нею робость испытала. Хотя ни перед кем другим не робела...

– Отчего? Говорят, императрица Мария Федоровна смолянок любит, опекает.

– Опекает, это правда, а любит ли, не уверена... Она – это закон, так мне кажется. Матушка императрица вся очень правильная, справедливая, и всегда поступает по-божески, как Господь велел. Опекает нас так, что даже... ой, не надо тебе об этом. – Засмушалась вдруг девочка.

– Мне и не надо? – удивился юноша. – Скажи...

– Неудобно, ну да ладно... – хихикнула Таня. – Она даже проверяет, носим ли мы тёплые панталоны, под юбки заглядывает.

Серж приснул от смеха, представив себе грозную мать-императрицу, проверяющую нижнее бельё на юных девицах, но одобрил:

– Это хорошо! Не хуже матери.

– Да, но она строгая очень. Правильная и строгая. Все трепещут перед нею. Я сначала даже думала, может, она из другого теста сделана, что монархи не такие люди, как все. Ничего подобного: как и мы, из крови и плоти. Однако во взгляде её столько власти, что ей и говорить не приходится – все всё без слов понимают. А если она такая же, как и мы, то, наверное, и я могу научиться быть, как она. Чтобы также: взглянула, и все меня поняли и исполнили тотчас же.

– О, какие у тебя мечтания! Уж не замышляешь ли государственный переворот? – пошутил Серж.

– Что за глупости! Нет, конечно. Но вот если бы я сразу умела вести себя, как императрица, то представь: просто взглянула б тогда на Жужу и мужа её бестолкового, и они бы пали на колени и ещё умоляли бы о прощении. И не надо было бы ни руками махать, ни кричать что-то... Это бы лучше выглядело, правда?

– Намного! Как хорошо, что тебя в Смольный отдали, и ты это всё сама поняла!

– А что, тебе тогда за меня и вправду стыдно было?

– Не очень, чуть-чуть. Но зато нам весело было, ты была просто уморительна.

– Буду стараться больше не уморять никого со смеху.

– Только не перестарайся, ладно? Не надо становиться совсем серьёзной и строгой... Не дай Бог, ещё станешь, как институтская надзирательница – правильной, но скучной!

Потихоньку, за разговором, их души искали новые тропинки друг к другу, заново узнавали то, что когда-то чувствовали, но забыли. В библиотеке было достаточно светло – через большие окна падал отсвет белых петербургских ночей. Звёзд в такие ночи не видно, но даже

если б они и сияли, переливаясь заманчиво, к этим окнам любоваться небом никто б не подошёл. Серж с Таней разговаривали, глядя в глаза друг другу. Видеть глаза – это важнее. Но она поёжилась – тянуло прохладой, и ногам стало зябко. Решила забраться в кресло с ногами. Он спросил:

– Замерзла? Иди ко мне! – и притянул её к себе. Девочка напряглась, взглянула сконфуженно, и Серж улыбнулся. – Раньше ты не смущалась, не краснела передо мной. Пожалуйста, не жеманься, пусть всё останется по-прежнему. Хорошо?

И она улыбнулась, доверчиво уселась к нему на колени, Серж закутал шалью ей ноги, обнял худенькое девичье тело, прижал к себе. Лицо Тани приблизилось, можно было б поцеловать. Чтоб отогнать мысли, которые счёл несвоевременными, стал рассказывать:

– Мы в корпусе маршируем, маршируем и маршируем...

– А мы делаем реверансы, реверансы и реверансы... – откликнулась девочка.

Незаметно прошла ночь, часы в другом углу библиотеки пробили четыре раза. Они оглянулись вокруг и одновременно засмеялись:

– Ой, смотри-ка, Серж, уже утро. Пойдём спать. А то как ты себя на пикнике будешь чувствовать, если не успеешь выспаться?

– Ничего. Завалюсь под какой-нибудь куст и отосплюсь. Сон на свежем воздухе полезен.

– Ага, тем более что найдётся барышня, которая готова от тебя мошек отгонять, – связвила Татьяна.

– Кого ты имеешь в виду?

– А сам не догадываешься?

– Ирину? Ты к ней ревнуешь? – удивлённо спросил Сергей. Он был слегка огорошен этим открытием – не тем, что Ирина способна отгонять от него мошек, а тем, что Таня может ревновать. Это его и позабавило, и озадачило. Хотя, если рассудить, то она и только она имела на это несомненное право, но сейчас? Не рановато ли?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.